

СОБЕСЕДНИК

Повсюду сейчас проходят встречи фронтовиков. На них вспоминают войну. Вспоминают словом и песней. «Давай занурим», «Темная ночь», «Синий платочек», «Соловьи»... В этом большом строю песен занимает полноценное место и песня «На безымянной высоте». Она стала словно

народной: мужественная и одновременно лиричная, берущая за душу песня, написанная на стихи М. Матусовского сегодняшним собеседником «ЛР», народным артистом РСФСР, лауреатом Государственной премии РСФСР В. Е. БАСНЕРОМ.

ЗЕМЛЯНКА В ТРИ НАКАТА

— Вениамин Ефимович, как вам работается?

— Как в любом творческом деле. У токаря, например, даже высококлассного, не все детали могут получаться одна в одну, кое-что, бывает, и ОТК возвращает. Так и у композиторов. Сошлюсь хотя бы на «Безымянную высоту» — тяжело писалась. История самой высоты уже рассказывалась. Но в день 40-летия Победы позволило ее напомнить. Не «у безымянного поселка», а на подступах к городу Рославлю, неподалеку от деревни Рубежанка, есть та, настоящая высота. Не безымянная она. На военных картах времен Великой Отечественной имелась цифровая отметка — «высота 224». В сентябре 1943 года горстка храбрых из 139-й стрелковой дивизии, в основном бывшие рабочие «Сибмаша», героически удерживали эту, захваченную ими в тылу врага крохотную частичку нашей земли. Вскоре после боя, из которого действительно вышли живыми «только трое», мой самый любимый соавтор, поэт-фронтовик Михаил Львович Матусовский услышал эту историю от редактора дивизионной газеты. Ровно через двадцать лет, в 1963-м, кинорежиссер Владимир Павлович Басов ставил «Тишину», попросил меня написать музыку — и песню. С музыкой шло нормально. А песня — ну никак! Дело было на «Мосфильме». Сажусь я, помню, в дневной поезд, еду к себе в Ленинград. И вдруг под стук колес возникает мелодия, совершенно не похожая на три предыдущих варианта.

В моей почте есть самые дорогие мне отзывы — от фронтовиков. Один ветеран пишет из Сибири: «Спасибо, товарищ Баснер, вам от имени моих однополчан и тех, кто полег у разных высоток, с именами и без имен. Как поставлю пластинку с вашей «Высотой», так вся война встает перед глазами...».

— Вы, Вениамин Ефимович, только что вернулись из Тбилиси с фестивалей. Завтра, знаю, вам предстоит дорога в Минск, где идет работа над новой картиной «Беларусьфильма». Нынче отпраздновали свое шестидесятилетие — годы этим вашим дорогам, простите за такой намен, не мешают?

— Я только что рассказал про историю в поезде. Это одна особенность, которую давно за собой замечаю: именно в движении, в поезде или самолете, или когда еду на велосипеде, веду свою автомашину чаще всего и появляются какие-нибудь интересные музыкальные мысли, возникает тема, мелодия.

— Конечно, мелодия песни? Все вас знают как песенника.

— Извините, получается, что не совсем знают. Вынужден внести ясность. Началом своей профессиональной композиторской работы считаю 1948 год. С той поры я не написал ни одной песни «просто так». Все они из музыки к кинофильмам. Помимо этого написано несколько оперетт, опера, балет, две симфонии. Первая на днях исполнялась в Москве в Большом зале Консерватории оркестром под управлением Геннадия Рождественского. Вторая, посвященная ленинградской блокаде, звучала у нас в Ленинграде, в Большом зале Филармонии. Струнные квартеты, написанные сравнительно давно, похвалены Шостаковичем. Собственно, Дмитрий Дмитриевич стал «крестным отцом» — порекомендовал меня кинорежиссеру Захару Марковичу Аграненко. Случилось это ровно тридцать лет назад: 1955 год стал началом моей работы для кино.

Первая музыка к кинофильму «Бессмертный гарнизон»... Правда, в том фильме песен не было. История героической обороны Брестской крепости меня потрясла. Картина по сценарию Константина Симонова сурово, жестко рассказала о мужестве солдата, о первых днях, неделях войны.

Первая моя «кинопесня» зазвучала в совершенно мирной картине. Она называлась «Человек родился». В сегодняшнем репертуаре Людмилы Сенчиной есть «Колыбельная» из того фильма 1956 года: «Гаснут, как фонарики, огоньки последние...».

— Значит, это была самая первая ваша песня?

— И да, и нет. Самой первой считаю написанную в 1954 году. Тогда я работал музыкантом в оркестре Ленинградского радио. Известные эстрадные артисты Шуров и

Рыкунин написали, помнится, радиопостановку. Такое, знаете, рево с музыкой, с самой-самой первой моей песней. Сейчас она в репертуаре хора мальчиков Ленинградской капеллы, «Праздничная ленинградская»: «Ширь площадей, узор твоих оград, мы влюблены в твой праздничный ряд...».

— Недавно Центральное телевидение показало в который раз сериал «Долгожитель» «Щит и меч». Живет он с 1968 года, оттуда пошла и ваша песня «С чего начинается Родина». Зритель, критика хвалят ее: крепко спаяна с сюжетом, образами героев-разведчиков. Как и «На безымянной высоте», песню помыне поют с профессиональной сцены да и в кругу друзей, для души. Наверняка нынче она где-то прозвучит, затянута ее фронтовики. Позвольте вопрос о ее характере: почему композитор избрал минорное, несколько грустное решение? Дунаевский, например, в «Песне о Родине» обратился к мажору, нам легко, весело поется по сей день: «От Москвы до самых до окраин».

— Хорошая песня. Люблю хорошие песни, никому из коллег не завидую: получилась она, значит, в радость всем. Что касается моей... Может, «виноват» мой искренне любимый соавтор Михаил Львович Матусовский? Он написал не «любовой» текст. Вопрос ставится мягко. Дескать, сам решаешь: с картинки ли в букваре? С товарищей, хороших и верных, живущих в соседнем дворе? Да и вправду, спросите у меня, у себя, у других. Ведь ответ будет по-будничному, по-человечески прост, от сердца.

И перед автором музыки в этой связи вставала непростая задача: сделать, как бы поточнее выразиться, «будничную» песню. Вспомните: как она начинается — так и заканчивается вопросом. Ну нельзя до конца выразить, сформулировать всю глубину чувств, связанных с таким неоглядным, широким словом — Родина... «Широка страна моя родная» — пели и поем мы в светлом, мажорном тоне. Был бы он уместен при истории разведчиков, работающих далеко от своих, во вражеском стане? Нет, конечно! Потому и писалась музыка словно приглушенной, в миноре, помягче — и чтоб от сердца пелось. Вынуждаете своим вопросом самому себе хвалу воздавать? Сошлюсь на мнение одного музыкального критика. В своей монографической работе, изданной «Советским композитором» — это издательство публикует обычно небольшими тиражами книги о профессиональных музыкантах, композиторах, артистах оперы, — есть строки об интересующей вас песне. «Написанная в минорном ладу. Ей присущ оттенок грусти — этот характерный спутник подлинно глубокого, лирического чувства». И сегодня, в светлый праздник Победы, я бы, доведись услышать свою песню из окна дома, в непрофессиональном, так сказать, исполнении, был бы вдвойне счастлив: как композитор и как бывший рядовой.

— Ветераны, возможно, и запоят. А что касается молодежных компаний — есть у меня, не в праздник будь сказано, грустные мысли. Оказался я как-то в застолье в студенческой среде. Запел, надеясь, что подхватят: «Бьет в тесной печурке огонь». Получился солистком, огорчился: ну почему не поют хором?

— Зря огорчились: запоят! На этот счет есть у меня такая, быть может, неверная теория. Все приходит с возрастом. От песни никуда не уйдешь. Давайте порассуждаем: когда человек начинает петь в хоре? В детском саду, верно? Потом — уроки коллективного пения в школе. Следом — юность, часто бывает не до песен, хочется за всем угнаться, повсюду успеть. Повзрослел, женился, родился у тебя сыночек? Тут-то приспела пора колыбельной. Хочешь ты или не хочешь, а запоешь, чтобы утихомирить расхажившее среди ночи дитя. А уж в зрелые годы наверняка пожелается молодость вспомнить, стройотряд, БАМ или поездка на уборку картофеля. Тогда и хоровое пение возникает. Это приходит с годами — позвольте высказать такую точку зрения.

— Когда слушаю ваши «военные» песни, вспоминаются прошу меня правильно понять, «Вечер на рейде», «Темная

ночь». Разумеется, не потому, что похоже, а во временном, так сказать, смысле.

— Compliment сделали! «Вечер на рейде» — наша песенная классика, а я на памятник при жизни вовсе не претендую. Считаю своей задачей славить музыкой подвиг нашего солдата. Нашего народа. Это — святое дело каждого работника искусств.

— Мы сегодня радуемся долготу миру, безмятежному солнцу. Песни нашего времени не только славят подвиг солдат сорняков, но просто наш нынешний день. Мне, например, нравится «Мазесть» Аллы Пугачевой, а вам?

— Хороша вышла песня у моего коллеги Раймонда Паулса, Пугачева — отменная исполнительница.

— В ее репертуаре, кажется, нет ничего вашего?

— К сожалению, отвечу утвердительно. Я, как бы выразиться, «мужской» композитор, подавляющее большинство моих вокальных произведений рассчитано на мужской голос. Их поют певцы с именами. Эдуард Хиль, Иосиф Кобзон... Список будет большим, если продолжить.

— Получается, что у вас как у композитора нет горестей?

— У кого их нет? Есть у меня несбывшаяся мечта: давно написал оперу по Тургеневу «Вешние воды». Пока никому не «приглянулось». Надеюсь...

— Где встречали День Победы сорок пятого?

— В Ленинграде, на площади Урицкого — так называлась тогда Дворцовая. Я был музыкантом военного оркестра. Играли мы весь день, до полуночи: марши, вальсы, другую музыку. Ликовали со всеми — такой праздник, такая радость! Столько лет прошло, а я, как каждый наш деятель искусств, все считаю — задолжал. Еще надо написать о них, наших героях, еще лучше, задушевнее... Только что закончил несколько песен. Все они о Победе, о дорогах к ней, о подвиге советского солдата, нашего народа-победителя. На днях впервые прозвучали публично две из них — из фильма студии имени Горького «Тайная прогулка». Это о фронтовых разведчиках. Другая песня, шуточная — «Грузовичок фронтовичок» из картины о фронтовых кинооператорах «Репортаж с линии огня». Это все посвящено сорокалетию Победы, всем, кто опален войной.

...Только что я звонил в Калугу, в обком партии. Рассказали мне о празднике, который 9 Мая будет проходить и на воспоет в песне высоте 224. Там оберегается реставрируемая «землянка в три наката», рядом установлена памятная глыба. На ней высечены слова песни про безымянную высоту и ее героев, до конца исполнивших свой долг, навеки оставшихся в нашей памяти — и в наших песнях.

Беседу вел
В. НЕСТЕРЕНКО
Фото П. Маркина